

«Полшага к любви»

Я тебя украду...

Я тебя украду, а других вариантов не может быть: упакую в мешок и – в багажник, и с ветром вперёд. Я тебя околдую, и следуй за мной по-хорошему: прочитаю стишок и ещё, и сыграй пару нот. Я тебя уведу, оттого что на деле я смелая, от того, что приелось и давит тебя изнутри, очарую, пленю, неминуемо – я это сделаю – ум и душу и тело, окажется, это не ты. Что нам, тленным, терять, если можешь, сразись до последнего за меня, как в мультяшных сюжетах, с драконом своим...

Аромат имбиря, занавески летящего снега за изумлённым от яркого света окном расписным. Получил календарь всё, что на год ему причитается. Вместо смерти зима, пусть оно так и будет ещё. На ладони одна из полосок никак не читается, чтоб развеять туман, наше солнце пока не взошло, ты меня укради, не указ нам законы и кодексы, увези через край жёлтых яблок и трелей весны. Не теряйся среди ложных тропок, петляющей просекой, чуть проснусь, со двора втихаря на простор унеси.

Сласть

Тает сахар на губах, во рту, подкожно,
Проникая по сосудам внутривенно,
Тает в сердце, расплавляясь осторожно,
Не испортив, не заляпав, не расклеив.
Днём и ночью, просочившись по стакану,
Вытекает вместе с кровью по системам,
Не согласно договору или плану,
Ниоткуда он берётся и нигде он.
Свёклы нет, на консервации заводы,
В тростнике завёлся пакостный вредитель.
Тает сахар автономно от погоды.
Просто сладко, как носами не вертите.
Брызжет сласть из кожных пор по всей округе,
Люди тают и становятся чуть мягче,
Прилетели пчёлы, бабочки да мухи,
Облепили потолки и лезут дальше.
В лужах тает забродившая водица
Розоватого оттенка чуть с гнильцою,
Из неё собака пробует напиток,
Кошка слизывает привкус леденцовый.
А когда растает всё, что было можно
Переделать, переплавить на глюкозу,
Мы посмотрим друг на друга – это тоже
Был подарок... и в ладонях сложим розы.

Хозяйка

Хозяйка квартиры смущенно кусает локти,
Её умный пёс заглянул иноземцу в рот.
Он сел у двери: «Чай, - говорит, - компотик
Совсем еще свежий, пироженки, бутерброд...»

Хозяйка квартиры, машины, карьеры... жизни,
Своей суеты и чужого ответа «нет».
A wonderful life in the palace, скорее, prison,
В пожизненной каторге: стены, кровать, клозет...

Собака проснулась, поела и ждёт прогулку,
Конечно же, любит, на пёсий чудной манер.
Кусок колбасы проглотила, оставив булку,
Ему, с Альбиона, где сплин и «овсянка, сэр»,

Но та же тюрьма, от которой свихнулся Гамлет,
Когда целый мир в голове запирает страх.
А дальше день будет обычен, и ночь – банальной...
Собака зевнёт и уснёт в четырёх ногах.

Мария

Мария накинула лёгкий халатик на плечи,
У зеркала локоны на бигуди намотала.
Звонил режиссёр, обозначил ей планы на вечер,
Забыв уточнить, из какого она сериала.

А может быть, это был, правда, любовник дон Педро –
Ей трудно забыть мускулистые руки и запах.
Тогда почему в местечковой газете намедни
Написан рассказ о поездке донпедро на запад?

Там точно такой же Париж. А в российской глубинке
Старушки уже предвкушают сеанс в полвосьмого.
Она поглядит на лицо и припудрит морщинки,
И будет ей двадцать, а, впрочем, и педро не молод.

Он, кажется, носит парик и неммыслимо скучен,
Когда вспоминает войну, чёрно-белые фильмы.
Проснулся и скачет в постели пружинистой внучек.
Ей надо собрать его в школу. Олады остыли.

А дед всё ворчит: «Опоздаете! Слышишь, старуха?
Семёныч сказал, что ребята в подъезде курили!
А Лёшка наш с ними был!» Скрежет замка. Оплеуха.
На фоне рефреном «Мария, Мария, Мария...»